

если бы и священник Лаоник родился в Византии. Таким образом, письма Михаила Апостолиса не могут быть источником, доказывающим факт эмиграции Лаоника на Крит⁴¹.

Вособще же эмиграция Халкокондила более чем сомнительна. Непонятно, как могло случиться, что его совершенно не знает литература Возрождения. Непонятно, как мог писатель со столь широким кругозором жить в Италии или на Крите, находившемся в сфере ее культурного воздействия, и нигде не оставить о себе следа. А ведь 26 спусков говорят о популярности его труда в конце XV и в XVI в. Литература Возрождения лишь в том случае могла не знать Лаоника, если он жил в тех местах, общение которых с Италией было затруднено. Крит во всяком случае не был таким местом. Известно, например, что гуманисты с Крита работали вместе с гуманистами Италии над изданием древнегреческих литературных памятников, в том числе и над первым изданием Гомера, вышедшим во Флоренции в 1488 г. Они, следовательно, принадлежали к той «литературной республике», о которой говорит Димитрий Халкокондил в предисловии к этому изданию Гомера.

О том, что у Лаоника Халкокондила не прекращалась связь с родиной, говорит ряд фактов. Некоторые из них подчеркивает в своей статье В. Греку. Он указывает, например, что невозможно или по меньшей мере крайне трудно было бы собрать такой большой материал о турках, живя не на территории, занятой ими. В статье впервые приведено много конкретных примеров, доказывающих не только то, что Халкокондил знал происходящее у него на родине, но что он знал это со многими, иногда даже мелкими, подробностями.

К фактам, отмеченным В. Греку, можно добавить и другие. Так, мы уже упоминали, что списки с «Истории» были сделаны в Афинах сразу после смерти ее автора. Следует обратить внимание и на то, что, рассказывая о сопротивлении «даков», вызвавшем большие репрессии турок, Лаоник не решается назвать имена тех из них, которые оказали туркам наибольшее сопротивление. Если бы «История» писалась не на территории, занятой турками, Халкокондил мог бы назвать имена этих «даков», не боясь мести со стороны турок как по отношению к ним, так и по отношению к себе. Нельзя считать доказательством в пользу эмиграции и то, что Лаоник находит нужным объяснить, почему именно он пишет свою «Историю» на «эллинском» языке. Лаоник как бы оправдывается в этом не потому, что он пишет на чужбине, а потому, что он пишет не на том языке, на котором говорили в то время на его родине, т. е. не на новогреческом. Выбрав «эллинский» язык вместо новогреческого, Лаоник отдал дань любви гуманистов к классическому греческому языку. Такое же отношение к этому языку видим мы и у Критулу⁴², который, как известно, никуда не уезжал. Все более выясняется, кроме того, что у Халко-

⁴¹ Среди писем Михаила имеется одно (E. Legrand. Op. cit., p. 255), адресованное „Халкокондилу“. Если обратить внимание на то, что во всех рукописях это обращение повторяется или буквально или с незначительными орфографическими изменениями, что перед обращением поставлен артикль, чего нигде больше в письмах Михаила не встречается, то можно думать, что в этом письме речь идет о лице, хорошо в XV в. известно. Им мог быть или Димитрий или Лаоник Халкокондилы. Но даже если этим Халкокондилом был Лаоник, то его никак нельзя отождествлять с Лаоником-священником, так как он — на это в письме есть прямое указание — жил не в Кидонии на Крите, а где-то очень далеко от Михаила. Да и официальный характер письма резко отличается от писем, адресованных „Лаонику“ и „Лаонику-священнику“.

⁴² Critobuli epistola ad Mechetem. FHG, V, p. 52.